

ТРОФЕИ ВЫСШЕГО ПОРЯДКА

Сегодня мы представляем читателям «Основного инстинкта» новую книгу известного охотника Сергея Плеханова «Завтрак на Голгофе». Будучи автором многих политических статей, документальных и художественных книг, а также киносценариев, свободное время Сергей старается по возможности посвящать давно любимому занятию — охоте. И наш разговор, естественно, коснулся не только литературной деятельности автора, но и его охотничьих пристрастий, а также творческих планов — как писателя, и как охотника.

ОИ: Какой вид охоты является для Вас наиболее интересным?

С.П.: Отдаю предпочтение горной охоте, причем я увлекся ею еще в те времена, когда любителей этого экстремального вида спорта в нашей стране можно было сосчитать по пальцам...

ОИ: Спорта?

С.П.: Это — самое точное определение. Я бы даже сказал, что горная охота — это своего рода многоборье. В нем есть и стрельба, и ориентирование, и скалолазание, и бег по пересеченной местности, и упражнения с запределными тяжестями. Попробуйте в одиночку стащить по каменистому склону добытого барана или козерога — и все это на высоте более 5 тысяч метров. А это — одна из самых приятных частей такой охоты...

ОИ: Справедливости ради надо сказать, что занимаются ею, в основном, егеря.

С.П.: Это сейчас. А в те времена, когда я начинал охотиться в горах, еще не существовало охотничьих фирм, предоставляющих транспорт, обслуживающий персонал и достойный сервис. Я охотился сначала в компании оленеводов-эвенов, горных киргизов, памирских исмаилитов, а потом и в одиночестве.

ОИ: Где проходили эти охоты?

С.П.: Если объектом охоты был западнокавказский тур, я летел в Кабардино-Балкарию; если сибирский козерог и архар Марко Поло — на Памир; если снежный баран — отправлялся на хребет Черского в Якутии. А на забайкальском хребте Улан-Бургасы стрелял изюбря на реву.

ОИ: Удалось ли Вам записать на свой счет хорошие трофеи?

С.П.: Да, мне случалось добывать выдающиеся рога. Но трофей никогда не являлся для меня самоцелью. Привлекал процесс охоты, интересовали повадки животных, притягивали божественные горные ландшафты. Но главным было даже не это. Охота дает возможность узнать и себя, и другого человека гораздо лучше, чем обычная жизнь. Испытание охотой можно сравнить с пребыванием на войне. Недаром всегда — с глубокой древности — многие цари и герои считали лучшим временем своей жизни дни, проведенные на войне и на травле зверей.

ОИ: Что нового открывали Вы для себя в товарищах по охоте?

С.П.: Как всякое экстремальное приключение, горная охота выявляет слабые и сильные стороны характера, мощно высвечивает нравственную основу человека. Великий поэт-охотник Некрасов как-то сказал: «Лучший процент из русского народа отделяется в охотники». И мне кажется, это верно

для любого этноса. Так что, наблюдая на охоте представителей разных рас и культур, видишь своего рода элиту. Черты ее, выраженные мощно и резко в экстремальных условиях, позволяют составлять более глубокое представление о разных нациях, нежели то, которое можно получить в офисе или в момент застолья.

ОИ: Можно ли говорить о различии охотничьих культур и охотничьей психологии в разных частях мира?

С.П.: Разумеется. Но замечаешь не только культурные различия: охота высвечивает даже особенности политического режима. Помню, в Ираке меня повезли в гости к бедуинам. Сопровождавший меня чиновник министерства информации, зная, что я охотник, заговорщически сказал: «В тех краях могут попасться дрофы, так что я кое-что прихватил на всякий случай». Потом открыл багажник лимузина и представил «охотничий» арсенал: несколько «калашей» и цинки с патронами. Он был очень удивлен, что я отрицательно отнесся к этой идее.

Дроф, к счастью, мы не встретили, но этот эпизод вызвал у меня цепь ассоциаций: ставка на насилие как общественная мораль, привилегированное положение поголовно вооруженных членов БААС, их потребительское отношение к природе.

ОИ: Эта псевдоохота была запланирована вашим провожатым в тот период, когда вы работали над биографией Саддама Хусейна?

С.П.: Моя книга о Саддаме вышла через полгода после его смерти. Пока он правил Ираком, я не стал бы ее публиковать, потому что, с одной стороны, она явно не понравилась бы тогдаш-

ним властям этой страны, а с другой, потому что вне Ирака ее могли бы воспринять как апологию диктатуры.

ОИ: Чем объяснялся Ваш интерес к личности Саддама?

С.П.: Говоря киношным языком, это — уходящая натура. Революционные лидеры, пришедшие к власти с оружием в руках, сегодня большая редкость. Как и цари, короли, султаны. Это исчезающий вид политической фауны. Мамонты вымирают, зато мыши плодятся все активней.

ДОСЬЕ

Сергей Плеханов стал широко известен в конце 70-х гг. XX века, благодаря острым критическим статьям. Его перу принадлежат биографические романы о русских писателях Алексее Писемском и Сергее Максимове, а также ряд фантастических и приключенческих книг, таких как «Заблудившийся всадник», «Золотая баба», «Командировка в тыл».

В 1991 г. была опубликована книга С.Плеханова «Дело Гдьяна. Анатомия политического скандала», в 1994 г. - книга «Жириновский — кто он?». В последние годы увидели свет произведения, посвященные современным политическим лидерам Востока: султану Оману Кабусе бин Саиде, имаму исмаилитов Ага-Хану, правителю Ирака Саддаму Хусейну.

ОИ: Продолжим разговор о мамонтах. Вы написали первую биографию султана Омана. Это ведь одна из немногих существующих абсолютных монархий.

С.П.: Да. И блестящий пример успешно работающей традиционной социально-политической модели. По тем же причинам меня привлекла и личность Ага Хана IV — имама секты исмаилитов, когда-то державшей в страхе весь Ближний Восток, а сегодня ставшей богатым и влиятельным сообществом, расселившимся в десятках стран. Книга «Раскрытая ладонь» стала первым сочинением об этом таинственном ордене.

ОИ: У охотников есть понятие «большая пятерка». Похоже, Вы в своем литературном творчестве тоже стремитесь к трофеям высшего порядка. Кто следующий?

С.П.: Пожалуй, сравнение не совсем правомерное, хотя герои моих книг и в самом деле вызывают ассоциации со львами или тиграми: недаром эти животные вместе с царем пернатых — орлом — издревле являются символами верховной власти. Что же касается следующего героя... Вот цитата из июльского номера газеты «Бруней Таймс»: «В султанат прибыл русский писатель для работы над биографией Его Величества и Данного Богом Султана Брунея Даруссалама».

ОИ: Ваши литературные предпочтения понятны, а увлечение охотой находит отражение в творчестве?

С.П.: Конечно. У меня есть рассказы, посвященные рыбной ловле и охоте, есть охотничьи эпизоды в романах и повестях. Более того, замыслы некоторых произведений появились именно во время моих охотничьих странствий. Проведя

несколько сезонов с манси Северного Урала, я написал повесть «Золотая баба», по которой позднее был снят приключенческий фильм. Пожив среди поморов, задумал создать картину об освоении Севера и Сибири русскими людьми. Она была снята на Свердловской киностудии и получила название «Путь к восходу». В последнем моем романе «Завтрак на Голгофе», только что увидевшем свет, также имеется эпизод, посвященный охоте на белых ориксов в аравийской пустыне.

ОИ: Давайте чуть подробнее остановимся на этой книге.

С.П.: Это фантастический триллер о тех временах, когда в Палестине появилась небольшая религиозная секта. Основателем ее стал человек по имени Иуда. А вступивший в нее седьмым некто Эммануил постепенно отодвинул основоположника в сторону и сам возглавил движение. Кончилось тем, что Иуда помог агентам синедриона арестовать Эммануила в Гефсиманском саду...

ОИ: Новая трактовка истории Иисуса?

С.П.: Не спешите с выводами. В итоге сюжет выделяет такую «загогулину», что читателю предоставляется возможность самому решить — кто есть кто? Гарантирую, что этот роман трудно отложить, не дочитав. Ну а если он все же кому-то покажется скучным, пусть мне напишет — верну потраченные деньги.

ОИ: Нет ли у Вас планов написать об охоте отдельную книгу, а не только эпизод для романа?

С.П.: Такая книга черне уже существует. Надо только выбрать время и привести в порядок скопившиеся за долгие годы наброски.

